

Александр Михайлович Скабичевский

**Александр Грибоедов. Его
жизнь и литературная
деятельность**

Жизнь замечательных людей

Александр Скабичевский

**Александр Грибоедов. Его жизнь
и литературная деятельность**

«Public Domain»

Скабичевский А. М.

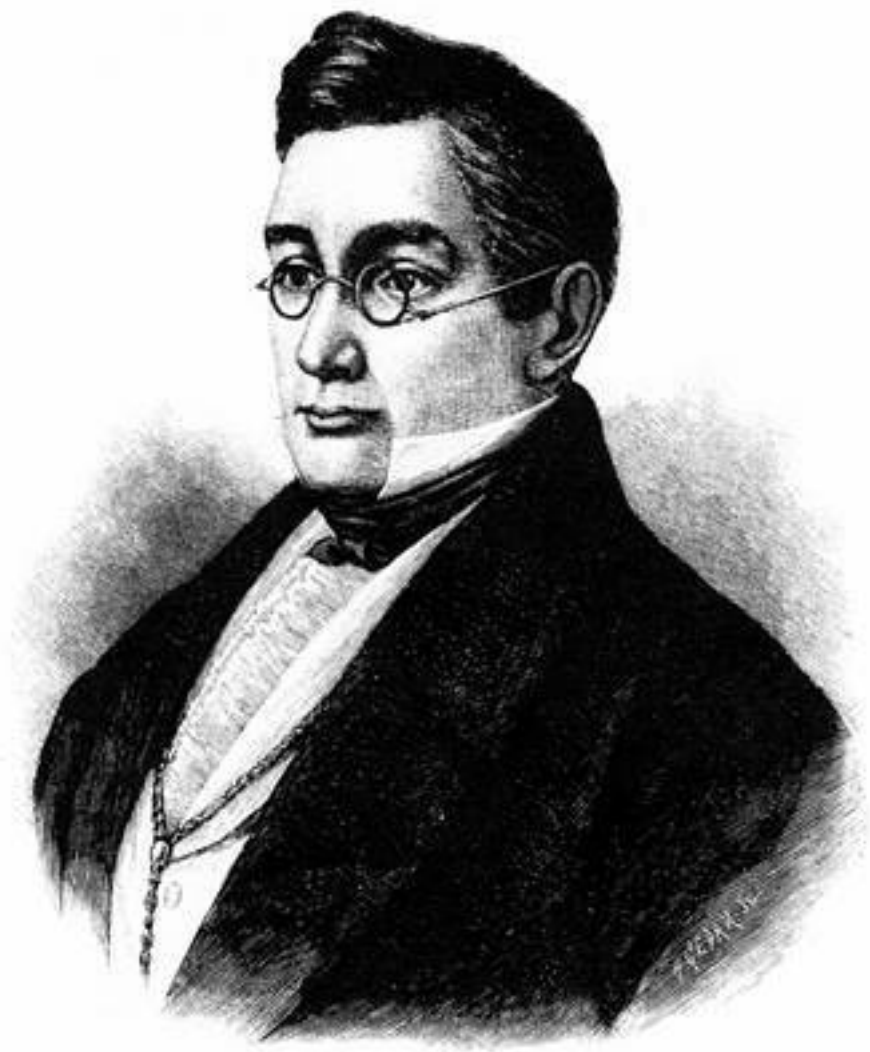
Александр Грибоедов. Его жизнь и литературная деятельность
/ А. М. Скабичевский — «Public Domain», — (Жизнь
замечательных людей)

Эти биографические очерки были изданы около ста лет назад в серии «Жизнь замечательных людей», осуществленной Ф.Ф.Павленковым (1839-1900). Написанные в новом для того времени жанре поэтической хроники и историко-культурного исследования, эти тексты сохраняют ценность и по сей день. Писавшиеся «для простых людей», для российской провинции, сегодня они могут быть рекомендованы отнюдь не только библиофилам, но самой широкой читательской аудитории: и тем, кто совсем не искушен в истории и психологии великих людей, и тем, для кого эти предметы - профессия.

Содержание

Глава I	6
Глава II	17
Конец ознакомительного фрагмента.	20

А. М. Скабичевский
Александр Грибоедов. Его жизнь
и литературная деятельность
Биографический очерк
С портретом Грибоедова,
гравированным Геданом

Глава I

Предки и родители А. С. Грибоедова. – Среда, в которой он детство. – Влияние общества и семьи на склад его характера. – Домашнее образование Грибоедова и пребывание в Московском университете. – Влияние профессора Буле. – Первые литературные опыты

Родители Александра Сергеевича Грибоедова, как отец, так и мать, оба по происхождению Грибоедовы, принадлежали к одному и тому же старому дворянскому роду, вышедшему из Польши. Из старинных грамот видно, что царь Михаил Федорович наградил Михаила Ефимовича Грибоедова «за ево многия службы» царю Василию Ивановичу (Шуйскому), совершенные «во нужное и во прискорбное время». Цари же Алексей Михайлович и Федор Алексеевич отличали Федора Ивановича Грибоедова, сына Яна Грымбовского, вызванного из Польши как сведущего законника для составления уложения.

Сергей Иванович, отец Александра Сергеевича, сын Ивана Федоровича, секунд-майор в отставке, был по всем данным личностью совершенно ничтожною, не имел голоса в семье, подчинялся во всем полновластной супруге и не играл поэтому никакой роли в жизни своего знаменитого сына. Неизвестно, где он получил образование, где служил, когда умер. Мы знаем только, что он не дожил до смерти сына. Мать же Александра Сергеевича, Настасья Федоровна, умерла в 1839 году, неутешно оплакивая до самой своей кончины нежно любимого сына.

А.С. Грибоедов родился в Москве 4 января 1795 года.

Московская улица. Гравюра Ф. Дюренфельда, конец XVIII в.

Еще и теперь сохраняется дом, где он родился и провел детство, на углу Новинского и Большого Девятинского переулков, фасадом на две улицы, двухэтажный, нижний этаж каменный, верхний – деревянный, оштукатуренный. В этом доме и проживало семейство Грибоедовых, имевшее кроме сына Александра дочь Марию, отличавшуюся замечательными музыкальными способностями, бывшую впоследствии замужем за Дурново. Квартал, в котором находился дом Грибоедовых, был своего рода московским Сен-Жерменским предместьем. Еще и теперь в этом квартале больше, чем где бы то ни было в Москве, барских домов-особняков, со старинными фасадами, фронтонами и львами на воротах, окруженных многочисленными службами. Здесь в старину было сосредоточие московского бомонда, старых столбовых дворянских семей, составлявших особый замкнутый мир, связанный узами родства, дружбы, лукулловских пиршеств, безумного мотовства и одуряющих сплетен. Нравы этой среды представляли ряд поразительных противоречий: здесь мирно уживалась надменная дворянская гордость и не знавшая пределов спесь рядом с подбострастным искательством и азиатским пресмыкательством. Нигде не замечался в такой степени, как здесь, «нечистый дух пустого, рабского, сонного подражания», и нигде так беззаветно «не отдавали все в обмен на новый лад, и нравы, и язык, и старину святую». Но это не мешало господствовать здесь самому упорному староверству, ужасавшемуся малейших отступлений от принятого. Все было сковано тупым коснением в родовых барских традициях, ненарушимых обычаях и приличиях, строгом местничестве и чинопочитании, наконец, в тех самых старых предрассудках, о которых Чацкий вопиет: «Порадуйтесь, не истребят ни годы их, ни моры, ни пожары!..»

В этой замкнутой среде были свои жрецы и хранители великосветского культа, те самые княгини Марьи Алексеевны, строгих приговоров которых боялись даже убежденные сединою и заслуженные Фамусовы. К числу таких законодательниц московского бомонда принадлежала и мать Грибоедова, Настасья Федоровна. Это была женщина заносчивая, тяжелого характера, всех в доме подчинявшая своей властной воле. Дворянская гордость ее тем более была беспредельна, что, не говоря уже о древности рода самих Грибоедовых, семья имела такую знатную родню, как князья Одоевские, Нарышкины, Римские-Корсаковы, графы Разумовские. Двоюродная же сестра Александра Сергеевича, Елизавета Алексеевна, была замужем за князем Варшавским, графом Паскевичем-Эриванским. Такое родство заставляло Настасью Федоровну всю жизнь – и свою собственную, и домочадцев – посвящать сохранению достоинства рода Грибоедовых. Оракулом для нее в этом отношении был брат ее Алексей Федорович Грибоедов, которого она считала образцовым представителем высшего общества и великим знатоком света и людей. Ничего не делала она без его совета, и слово его было для нее законом. Он предписывал и ей, и ее детям строгий режим светской жизни: с какими людьми знаться, каких избегать, каким сильным мира, которые могут пригодиться, делать визиты, кого приглашать или не приглашать на вечера, и т. п.

Москва. Дом, где Грибоедов жил в детские годы (ныне – Остоженка, 34)

Под гнетом этих двух непреклонных хранителей великосветских традиций и приличий нерадостную пришлось вести Грибоедову в родительском доме жизнь – жизнь, развившую в нем ту меланхолию и нервную раздражительность, которые он впоследствии обнаруживал. Пока еще тянулись золотые дни нежного детства, никто не мешал ему с сестрою «являться и исчезать тут и там, играть и шуметь по стульям и столам», но с годами все более и более тяготела над юношей светская дрессировка. Каждый шаг его, все повседневное поведение были подвержены строгому контролю и заключены в тесные рамки порядочности; вся будущая карьера была заранее предусмотрена и предопределена, дабы последняя отрасль древнего дворянского рода вполне поддержала достоинство его. А за матерью и дядей стояли сплоченные ряды родных и друзей, которые в свою очередь единодушно восставали против любого мало-мальски самостоятельного шага молодого человека и подавляли каждый смелый молодой порыв его. Все это с годами более и более раздражало и ожесточало богато одаренного Александра Сергеевича, и наконец он обрушил на все московское общество беспощадную месть свою в виде бессмертной комедии, которая являлась, таким образом, не досужим измышлением художественной фантазии, а кровным делом всей жизни.

Более же всех ожесточил Грибоедова дядя, которого изобразил он в лице Фамусова. По рассказу С.Н. Бегичева, Грибоедов, как только замечал, что дядя въезжал к ним во двор, чтобы вести его на поклон к какому-нибудь князю Петру Ильичу, раздевался и ложился в постель. «Пойдем», – приставал дядя. «Не могу, дядюшка, то болит, другое болит, ночь не спал», – хитрил Грибоедов.

Вот в каком виде представляет он своего дядю в одном оставшемся после него черновом наброске:

«Вот характер, который почти исчез в наше время, но двадцать лет тому назад был господствующий, – характер моего дяди. Историкю предоставляю объяснить, отчего в тогдашнем поколении развита была повсюду какая-то смесь пороков и любезности; извне – рыцарство в

нравах, а в сердцах – отсутствие всякого чувства. Тогда уже многие дуэлировались, но всякий пылал непреодолимой страстью обманывать женщин в любви, мужчин – в карты или иначе; на службе начальник уловлял подчиненного в разные подлости обещаниями, которых не мог исполнить, покровительством, не основанным ни на какой истине; но зато как и платили их светлостям мелкие чиновники, верные рабы-спутники до первого затмения. Объяснимся круглее: у всякого была в душе бесчестность и лживость на языке. Кажется, ныне этого нет, а может быть и есть, но дядя мой принадлежит к той эпохе. Он, как лев, дрался с турками при Суворове, но потом пресмыкался в передних всех случайных людей в Петербурге, в отставке жил сплетнями. Образец его нравов: „Я, брат...“.

До какой степени сильно переживал Грибоедов семейный гнет, мы можем судить из того, что впоследствии, обретя свободу вполне самостоятельной жизни, Грибоедов в письмах к друзьям не перестает при всяком удобном случае протестовать против семейного деспотизма. Так, в письме к Бегичеву из Петербурга, от ноября 1816 года, он замечает: «Неужели заводчика корчишь? Перед кем скажи, пожалуй? У тебя нет матери, которой ты обязан казаться основательным: будь таким, каков есть». В письме же к князю Одоевскому из Киева, от 10 июня 1825 года (то есть когда ему было уже 30 лет), он пишет: «Верстовского обними за меня; здесь я узнал, что отец его перебрался на житье в Москву; что же, от этого лучше или хуже для музыки? Я почти уверен, что истинный художник должен быть человек безродный. Прекрасно быть опорой отцу и матери в важных случаях жизни, но внимание к их требованиям, часто мелочным и нелепым, стесняет живое, свободное, смелое дарование. Как ты об этом думаешь?»

Всего ужаснее, что в продолжение всей жизни он не мог, видимо, избавиться от семейной опеки и ей, как увидим ниже, был обязан своей преждевременной и ужасной смертью.

Первоначальное образование Грибоедов получил, как это водилось в то время во всех великосветских барских семьях, домашнее, под надзором иностранных гувернеров. Первым из них был Петрозилиус, человек ученый, впоследствии издавший обстоятельный каталог московской университетской библиотеки. В свое педагогическое ремесло он вносил слишком уж много педантизма, который оттолкнул от него живого и пытливого воспитанника. Петрозилиуса сменил Богдан Иванович Ион, прекрасный воспитатель, ставший со временем другом и советчиком Грибоедова. Каждый раз, когда последний приезжал в Москву, он первым делом искал увидеться с Ионом и его же избрал в секунданты для предполагавшейся дуэли с Якубовичем. После смерти Грибоедова старик Ион любил сходиться с другом покойного Бегичевым, вспоминать добрые старые дни, и при этом слезы показывались на глазах собеседников.

Под общим руководством Иона, по специальности юриста, обладавшего основательным знанием классических языков, мальчик обучался дома у разных преподавателей, по-видимому, очень хороших, между которыми были профессора университета. Так, например, Иоганн Теофил Буле преподавал Грибоедову философские и политические науки. Рано овладел юноша несколькими иностранными языками и начал изучать древних и новых классиков; вместе с тем приобрел он навык к усидчивым ученым исследованиям, поражающим в его записных тетрадях и свидетельствующим, что из него мог выработаться серьезный ученый.

Н.В. Сушков, соученик Грибоедова по Благородному пансиону, поэт. Гравюра А. Муратова, 1852

Между прочим дом Грибоедовых славился своими музыкальными вечерами; здесь можно было слышать серьезную музыку в исполнении лучших московских артистов. Это содействовало развитию музыкального вкуса в детях, и они уже в детстве сделались хорошими пианистами. Музыка в продолжение всей жизни была любимейшим наслаждением Грибоедова. Войдя в кружок молодых русских музыкантов: Алябьева, Верстовского и других, – он овладел впоследствии под руководством петербургского профессора гармонии Иоганна Миллера теорией музыки и сделался знатоком ее законов. Не ограничиваясь одним исполнением чужих пьес, Грибоедов по целым часам увлекал окружающих своими дивными импровизациями.

**Джон Фильд, композитор и пианист, учитель музыки
Грибоедова и его сестры. Гравюра А. Янова, 1800-е гг.**

А.А. Алябьев, композитор. Неизвестный художник, 1830-е гг.

Закончив домашнее обучение в 1810 году, в 15 лет, он был помещен в Московский университет на этико-политический факультет для приобретения кандидатского диплома в видах более успешной служебной карьеры. А чтобы оградить юношу от дурного общества товарищей, не принадлежавших к избранному кругу, Грибоедов был определен вольнослушателем и ходил в университет не иначе, как с гувернером.

Московский университет того времени далеко еще не находился в таком блестящем состоянии, как в тридцатые и сороковые годы, но в нем было несколько достойных специалистов, ветеранов западной науки, верных преданиям просветительного века. Таковыми являлись, кроме вышеупомянутого Буле, Гейм, Рейнгард, Шлёцер, из русских – Сохацкий, Снегирев, Спешнев, Страхов. Профессора называли студентов друзьями, принимали их у себя на дому, входили во все мелочи их жизни и помогали чем могли. Страхов на Святках руководил студенческими спектаклями, и очень возможно, что этим спектаклям был обязан Грибоедов пламенной любовью к театру, которая не охладела в продолжение всей его жизни и определила форму его литературной деятельности.

А.Ф.Мерзляков, профессор российской поэзии и красноречия Московского университета. Гравюра К.Я. Афанасьева, первая четверть XIX в.

**М.Т. Каченовский, профессор русской истории
Московского университета. Гравюра Г. Грачева**

**И.А. Гейм, профессор древностей, словесности и
истории Московского университета. Гравюра А. Флерова
с оригинала И.И. Жерена, первая четверть XIX в.**

О своем пребывании в университете Грибоедов всю жизнь сохранял самые отрядные воспоминания, и следы влияния многих профессоров долго сказывались в нем. В это время полюбил он изучение русской истории и познакомился со статистикой и политической экономией, что отразилось впоследствии на заботах Грибоедова о составлении статистических таблиц и описаний Кавказа. Более же всего сознавал себя обязанным Грибоедов Буле, влияние которого на юношу было тем более сильно, что он давал ему уроки еще до университета. Пользуясь почетной ученой репутацией на Западе, где он был профессором в Геттингене, Буле в Москве, не ограничиваясь университетским преподаванием, читал публичные лекции, курсы философии, устраивал у себя на дому на немецкий лад *privatissimi*¹ и, сверх того, выпускал несколько периодических изданий, между прочим «Журнал изящных искусств». Поклон-

---

¹ здесь: частные занятия с небольшой группой студентов (*лат.*).

ник Аристотеля, он любил в своих рассуждениях трактовать о сущности и основах драмы, давая Грибоедову возможность теоретического изучения этого рода поэзии, к которому юноша чувствовал склонность. Особенно же предпочитал Буле комедию и целое сочинение посвятил душевной веселости и средствам поддерживать и развивать ее. Как истый ложноклассик образцы искал он в классических литературах, и Грибоедов вслед за ним с любовью относился к древним комикам, особенно к Плавту. Ложноклассическая закваска, приобретенная под влиянием Буле, сказывалась впоследствии не только на литературных взглядах и пристрастиях Грибоедова, но заметна и в самой комедии «Горе от ума», в которой строго соблюдены автором все три единства: действие ее сосредоточивается в одном месте (дом Фамусова) и совершается в течение одних суток, начинаясь появлением Чацкого в доме Фамусова рано утром и кончаясь разъездом после бала поздним вечером.

Университетские годы – время первых литературных опытов Грибоедова. Нередко читал он своим товарищам стихи собственного сочинения, большей частью сатиры и эпиграммы. Однажды же, в начале 1812 года, он прочел своему воспитателю Иону и одному из товарищей отрывки из комедии, и, по словам слушателей его, это были уже первые наброски комедии «Горе от ума». Недружелюбно были встречены матерью Грибоедова его первые литературные опыты. Она, конечно, боялась, что увлечение литературой оттолкнет юношу от предначертанной карьеры, звание же литератора и стихотворца представлялось чем-то крайне унижительным с точки зрения московского великосветского кодекса. Но не только в университетские годы, а и впоследствии мать Грибоедова не иначе как с презрением отзывалась о литературных занятиях сына и срамила его в присутствии посторонних. Так, в письме к Бегичеву из Воронежа, от 18 сентября 1818 года, Грибоедов между прочим пишет: «В Петербурге я по крайней мере имею несколько таких людей, которые, не знаю, настолько ли меня ценят, сколько, я думаю, этого стою, но по крайней мере судят обо мне и смотрят с той стороны, с которой хочу, чтобы на меня смотрели. В Москве совсем другое: спроси у Жандра, как однажды за ужином матушка с презрением говорила о моих стихотворных занятиях и еще заметила во мне зависть, свойственную мелким писателям, оттого, что я не восхищаюсь Кокошкиным и ему подобными...»

Глава II

Поступление в ополчение и гусарский полк. – Кутежи и шалости. – Дружба с С.Н. Бегичевым и ее благотворное влияние. – Комедия «Молодые супруги». – Приезд Грибоедова в Петербург и отставка. – Успехи в свете. – Физические, умственные и нравственные качества Грибоедова. – Литературные знакомства. – Сценическая деятельность. – Полемика. – Мировоззрение Грибоедова. – План драмы из 1812 года. – Наброски комедии «Горе от ума»

Война 1812 года, создавшая полный удали, отваги, предприимчивости и жажды сильных ощущений тип людей двадцатых годов, немало содействовала эмансипации от семейной опеки молодых людей великосветских слоев общества. Священная обязанность защищать отечество избавляла их от необходимости против воли, по принуждению старших гнуть шею перед разными милостивцами и глотать канцелярскую пыль ради устройства карьеры, а главное, выводила из родного гнезда на простор самостоятельной жизни.

К числу таких юношей принадлежал и Грибоедов. Двух лет слушания университетских лекций было достаточно, чтобы выдержать экзамен на кандидата с правом на чин двенадцатого класса. Когда же правительство обратилось к студентам Московского университета с призывом вступать в ополчение, Грибоедов не мог не увлечься общим патриотическим одушевлением. Впрочем, и тут сказалось влияние его родных: не в простое, серое ополчение поступил он, а корнетом в один из полков, формировавшихся в то время аристократами, именно в гусарский полк графа Салтыкова. Это было 26 июля. Полк собирался и снаряжался крайне медленно, а за смертью Салтыкова был совсем распушен.

**Н.И. Толстой, сослуживец Грибоедова по
Московскому полку. Неизвестный художник. 1820-е гг.**

Но раз роковой шаг был сделан, Грибоедов не хотел уже более возвращаться под ферулу матери и дяди и 7 декабря поступил в Иркутский гусарский полк, стоявший в составе резервного кавалерийского корпуса первоначально в Могилеве, потом в Слониме и наконец в Бресте. Здесь служил он под начальством А.С. Кологривова.

После каждого чрезмерного стеснения следует реакция некоторой необузданности. Естественно, что и у молодого семнадцатилетнего гусара закружилась голова, когда он почувствовал, что ни перед кем уже не обязан надевать личину степенности и основательности. Этим и объясняется то обстоятельство, что, бросившись со всем пылом первой юности в гусарские кутежи и прочие шумные развлечения и излишества, Грибоедов старался превзойти товарищей в подчас не совсем благовидных проказах и шалостях, которыми отличались гусары того времени. Так, однажды он въехал верхом во второй этаж дома на бал. В другой раз в Бресте он взобрался на хоры католического костела перед самым началом службы. Ноты перед органом были раскрыты. Собрались монахи, началась служба. Когда потребовалась по ходу службы музыка, Грибоедов заиграл и играл долго и отлично. Вдруг священные звуки смолкли и с хоров раздался, к ужасу и смущению всех молящихся, «камаринский».

Но этот кризис продолжался недолго. Грибоедов имел слишком даровитую и глубокую натуру, чтобы гусарские кутежи и шалости могли долго занимать его и составлять все содержание его жизни. К тому же судьба послала ему друга в лице адъютанта генерала Кологривова, Степана Никитича Бегичева. Грибоедов нашел в нем умного, приятного собеседника и руко-

водителя, который, подчинив юношу своему благотворному влиянию, сумел и остепенить его, и разбудить в нем все лучшие качества его души. По крайней мере, вот что сам Грибоедов говорит о влиянии своего друга в письме от 18 сентября 1818 года:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.